

Мэйду удивленно распахнула глаза и выпалила:

- ... что?

Из разреза вытекло небольшое количество крови. Юй Цзинь Нянь стер ее чистой тканью и поднял глаза, чтобы проверить состояние Цин Хуань. Увидев, что она дышит ровно и в хорошем настроении, он опустил голову, продолжая работать. Разрезав мягкую ткань на поверхности и отогнув ее ножом, он протянул руку в сторону и сказал:

- Цзи Хун, подай мне двуглавый крючок.

Цзи Хун передал ему четырехдюймовый крюк.

Ситуация выглядела ужасно. К счастью, повреждение кровеносного сосуда не было серьезным, и не было других повреждений нервов, и самое главное - перелом не был многооскольчатый. Из-за этого сердце Юй Цзинь Няня, висящее в его горле, откатилось на полшага назад. Он терпеливо идентифицировал различные кровеносные сосуды и группы мышц, определил точку перелома, обнажил сломанный сегмент, а также тщательно восстановил и зафиксировал кость.

После этого было необходимо повторно тщательно обследовать периферические кровеносные сосуды и нервы, чтобы исключить все возможные потенциальные опасности, и, наконец, наложить кожный шов.

Цин Хуань закрыла глаза и не смела смотреть вниз, она слышала, как колотится ее сердце, как будто она сильно бежала, но в ней также росло мужество, которого у нее никогда не было раньше. Через некоторое время она открыла глаза и посмотрела на Мэйду, маленькую девочку, которая нервничала больше, чем она, а затем сказала:

- Я действительно отпустила ее. Но даже несмотря на то, что сестра Сюэ Цяо хотела сбежать раньше, она боялась причинить мне боль, поэтому продолжала сдерживаться и почти оставила эту идею.

Мэйду не поняла:

- Тогда почему... Почему она в конце концов сбежала?

Прежде чем Мэйду смогла закончить говорить, Цин Хуань продолжила:

- За несколько дней до Ночи Луны сестра Сюэ Цяо внезапно откуда-то получила новости, что ее родственники, которых она пыталась найти в течение многих лет, погибли в оползне два года назад. Повозка с четырьмя людьми оказалась засыпана падающей грязью, они были погребены без могилы... В тот день она выглядела очень плохо, и не разговаривала целый день. А днем она внезапно попросила меня попросить брата Сюэ Няня приготовить лунные пироги.

Услышав это, Юй Цзинь Нян вспомнил, что Сюэ Цяо в тот день поручила ему установить могильный курган. Позже из-за болезни Цзи Хуна это дело было отложено. Может быть, в то время у нее уже были какие-то мысли? Но если ты хочешь сбежать, ты можешь в будущем остепениться инкогнито, а потом самой построить курган. Зачем доверять это дело тому, кто не связан с ней родственными узами?

Если только она хотела не убежать, а...

- Брат Сяо Нян, моя сестра доверила тебе что-нибудь в тот день? - резко спросила Цин Хуань.

Юй Цзинь Нян ошеломленно замер, думая, что она довольно умна, поэтому ему пришлось неопределенно сказать:

- Да, кое-какую мелочь.

- Я знала это, - улыбнулась Цин Хуань и внезапно спросила, - Брат Сяо Нян, могу я поднять руку? Слишком нервничаю и она онемела.

- А... да, только не трогай раненую ногу.

Мэйду тоже услышала неприятные вещи и с грустью сказала:

- Что, черт возьми, произошло?

Цин Хуань медленно подняла и опустила руку, и подержала ее, прежде чем глубоко вздохнув, вспомнить:

- В канун Ночи Луны один клиент пригласил сестру Сюэ Цяо к себе в дом...

В тот день город был полон тысячами огней, серебро лилось рекой, еда была прекрасной и повсюду раздавались звуки циня. Песня и танцы на высокой платформе не прекращались всю ночь, и люди предавались пьяному веселью под луной.

Хотя на сердце у нее было мрачно, Сюэ Цяо все же поехала в дом этого человека, там она подавала чаши вина, заставляя себя улыбаться. Цин Хуань, молча склонив голову, последовала за ней. После трех тостов половина банкета разошлась. «Цветочницы» уже отправились сопровождать гостей, и во дворе осталась только группа джентльменов, которые пересыпали разговоры лестью.

О чем может говорить группа пьяных мужчин? Только о деньгах и красоте. Неизвестно, кто первым заметил Цин Хуань позади Сюэ Цяо, и полный толстощекий мужчина продекламировал две строчки стихотворения и протянул руку, чтобы коснуться ее лица. Она давно знала, что через год будет внесена в список борделя и начнет приветствовать гостей, и там будут не только касаться ее лица. Если она даже этого не сможет вынести, как она будет жить в будущем? Она опустила голову и не двинулась с места. Неожиданно руки этого господина оказались крайне неровными, его слова - грубыми, и она невольно отшатнулась. Господин был недоволен, поэтому он поднял руку и ударил ее.

В этом не было ничего особенного, но у хозяина дома внезапно случился приступ ярости. Его глаза покраснели, ноздри раздулись, и он сказал, что проститутка посмела вызвать недовольство его гостей, поэтому он позвал двух слуг, чтобы раздеть ее догола и затащить в дом

Она была так напугана, что не могла думать ни о чем, кроме борьбы.

- Мой господин, - Сюэ Цяо внезапно встала перед ней, закрывая собой ее разорванную одежду, и сказала с улыбкой, - Это просто маленькая девочка, еще не открывшая лица, она лишь служит Сюэ Цяо. Она молода и не очень хорошо выучила правила, пощадите ее. Если Сюэ Цяо вас заинтересует, могу ли я предложить вам компенсацию?

Человек с лицом свиньи прищурился и сказал:

- Как Сюэ Цяо планирует компенсировать?

Сюэ Цяо сказала:

- Естественно, так, как можно осчастливить мужчину.

- Хорошо, - засмеялся человек с лицом свиньи и махнул рукой, - Сначала выпей кувшин вина!

Сосуд для вина с длинным горлом, сделанный из серебра, был натерт до блеска, его крышка была усыпана кроваво-красными драгоценными камнями. Стекланные фонари на карнизах высокой платформы заливали лица людей неровным светом. Сюэ Цяо взяла кувшин с вином и, не говоря ни слова, запрокинула голову и залпом выпила. Стекая из уголка ее рта, вино залило ее платье, четко очерчивая грудь, а тонкая юбка плотно прильнула к коже.

- Мисс Сюэ Цяо действительно хорошо пьёт! - мужчина положил руку на плечо Сюэ Цяо и заключил ее в объятия. Он казался счастливым, его лицо было красным и лоснящимся, поэтому он махнул слугам, чтобы они отпустили Цин Хуань, сплюнув, - Убирайся отсюда!

Он бросил пустой сосуд из-под вина ей в руки и, пошатываясь, потащил Сюэ Цяо в комнату.

Вино было теплым, и серебряный кувшин все еще сохранял его тепло. Цин Хуань держала его и стояла, глядя в спину Сюэ Цяо.

Всю ночь она оставалась за пределами этой комнаты и слышала движения в комнате. Сначала мужчина говорил очень хорошие слова, но постепенно терял терпение. Во второй половине он называл ее стервой, шлюхой и сквернословил. За этим последовали третий и четвертый раз, а потом она услышала звук явной пощечины и крик боли Сюэ Цяо. Это повторялось неоднократно, снова и снова, как будто это был бесконечный кошмар.

Она посмотрела на стеклянные лампы на карнизах, которые когда-то считала самыми красивыми вещами в мире, но в этот момент ей казалось, что они их свет странно искривлен.

Через некоторое время дверь наконец открылась. Сюэ Цяо вышла и, похоже, не ожидала, что Цин Хуань будет ждать ее за дверью. Она на мгновение опешила, а затем мягко улыбнулась и сказала:

- Пойдем вернемся.

Цин Хуань посмотрела на нее и удивленно сказала:

- Сестра, твое лицо ...

- А? - Сюэ Цяо подняла руку и прикоснулась к лицу. Она почувствовала кровь на пальцах, но у нее не было особой реакции. Она вытерла кровь и вместо этого счастливо сказала, - Это хорошо, не так ли?

Она оторвала кусок одежды и привязала его к лицу, закрывая шрам.

- Но... - ее лицо было так сильно порезано, что ей делать в будущем, как Сюэ Цяо выжить в Павильоне И Цуй? Чем больше Цин Хуань думала об этом, тем больше пугалась, ее глаза обожгло слезами и она заплакала, - Это все моя вина, я не должна была его отталкивать. Пойдем в медицинский зал, чтобы не осталось шрама...

- Цин Хуань, - Сюэ Цяо повернула голову и внимательно прислушалась, - Ты слышишь звук гонгов и барабанов? Сегодня на улице Хэ открыт ночной рынок. Пойдем и посмотрим его. Он довольно оживленный. Что толку плакать, если будешь плакать, станешь некрасивой.

Сегодня она вела себя как-то ненормально. Сюэ Цяо редко смеется. Она немного холодная и похожа на снежинку, поэтому она назвала себя Сюэ Цяо.

(*Сюэ Цяо - прекрасный снег)

-... - Цин Хуань опустила голову, но слезы размером с фасоль падали одна за другой. Она молча последовала за Сюэ Цяо, не зная, что сказать. В какой-то момент ей показалось, что она увидела яркий блеск, вспыхнувший в одежде Сюэ Цяо, и быстро спрятанный в ее рукавах. Она подняла голову, чтобы посмотреть на Сюэ Цяо, и вскоре о чем-то подумала, и ее глаза расширились от удивления.

Уличный рынок действительно был оживленным и головокружительным зрелищем.

Сюэ Цяо была настолько щедра, что купила вместе с ней жемчужные заколки для волос и деревянные браслеты, а также носовой платок, расшитый стихами, шелковый зонтик и набор карточек с листьями. Это все, о чем Цин Хуань говорила весь день, но у нее не было денег на покупку.

Но в данный момент у Цин Хуань не было желания веселиться.

- Тебе это нравится? - Сюэ Цяо приложила очередную заколку к волосам Цин Хуань, - Кажется, цвет немного пошлый.

Цин Хуань не знала, откуда у нее взялась храбрость, и внезапно открыла рот:

- Сестра Сюэ Цяо, беги!

Сюэ Цяо был ошеломлена на мгновение, а затем улыбнулась:

- ... что за чушь?

Цин Хуань сказала:

- Поторопись, здесь больше всего людей, и городские ворота не будут закрыты сегодня вечером. Если ты убежишь сейчас, возможно, тебе удастся!

- Куда мне бежать? Ты что, тоже пьяна? - засмеялась Сюэ Цяо.

Цин Хуань посмотрела на нее, сверкнув глазами, протянула руку и вынула что-то из ее рукава - на самом деле это был холодный кинжал, испачканный небольшим количеством крови, возможно, тот, что порезал ей лицо. Цин Хуань только что догадалась, что Сюэ Цяо прячет кинжал, но теперь она действительно подтвердила это и не могла поверить.

Почему она украла чей-то кинжал, что она планирует с ним сделать?

Сюэ Цяо много лет хотела покинуть Павильон И Цуй. Она отчаянно копила деньги для этого и

жила ради них, только чтобы обнаружить, что никогда не сможет выкупить себя; она думала о том, чтобы сбежать, но была связана с невинной молодой девушкой рядом с ней. Позже появился Чжэн Ярен, который, заработав небольшое состояние, обещал выкупить ее, она возродила свои надежды и всем сердцем с нетерпением ждала этого дня, но в конце концов дело так и закончилось, и ей ничего не оставалось, как смириться.

Теперь Сюэ Цяо узнала, что ее отец, мать и брат, с которыми она была разлучена из-за трудностей, давно ушли. Последняя мысль и последняя опора в ее сердце рухнули. Она держала этот кинжал только для...

Цин Хуань не осмелилась больше думать и, сжимая кинжал, сказала с тревогой:

- Если сестра полна решимости не возвращаться в Павильон И Цуй сегодня вечером, то почему бы не попытаться сбежать! Даже если ты не сбежишь, даже если в конце тебя снова поймут, еще не поздно будет использовать этот кинжал!

Сюэ Цяо: «...»

Цин Хуань взяла ее за руку и сказала:

- Я выросла недалеко от этого района. Я знаю, что здесь есть несколько очень сложных переулков. Когда ты убежишь, они не смогут тебя догнать. Иди на север, пересечешь мост через ворота, где мало людей и мало фонарей, а на правой стороне города есть развилка на дороге в округ Цзинь. Продолжай бежать и не останавливайся. Сестра, ты всегда относилась ко мне как к настоящей сестре, просто сделай это для меня, беги!

Мэйду спросила:

- Почему ты не убежала с ней?

Цин Хуань посмотрела на балку над своей головой и на мгновение задумалась:

- Что за глупышка ты, Мэйду, разве меня не поймали?

В ту ночь они действительно сбежали вместе, но на полпути они встретили глубокую развилку переулков, и она предложила бежать порознь. Сюэ Цяо пошла в указанном направлении, а она повернулась назад ... убегая вместе, разве можно сбежать? Каждый год в Павильоне И Цуй появляется так много новых девушек, мало ли тех, кто пытается бежать? Каждый раз их ловят и избивают до полусмерти. После нескольких таких уроков все становятся послушными.

Когда ее поймали люди Павильона И Цуй, она небрежно солгала и увела их. Может быть, таким образом Сюэ Цяо сможет уйти немного дальше и полностью исчезнуть.

Она не знала, сбежала ли Сюэ Цяо сейчас, но раз ее не поймали за столько дней, ей, должно быть, удалось сбежать ...

Мэйду немного подумала, и казалось, пришла к тому же выводу, поэтому она не могла не пробормотать:

- Было бы здорово, если бы вы могли сбежать вместе.

Цин Хуань дернула уголком рта, как будто хотела улыбнуться, но боль в теле не давала ей смеяться, поэтому ей пришлось облизать пересохшие губы и взволнованно произнести:

- Кто из девушек Павильона И Цуй не хочет сбежать? Если бы не вынужденная беспомощность, если бы был хоть какой-то выход, я бы не зарабатывала на жизнь таким образом.

Цин Хуань посмотрела на алое родимое пятно на лице Мэйду и сказала:

- Мэйду, я действительно тебе завидую.

Мэйду от стыда опустила голову:

- Я такая уродливая, как я могу заставить сестру Цин Хуань завидовать себе ...

Именно этому я и завидую. Будь они с Сюэ Цяо уродливыми, их, возможно, не продали бы в Павильон И Цуй, и у них не было бы сегодняшней ситуации. Они знали, что не хотят так жить, но у них не хватало смелости, чтобы умереть. Они всегда с нетерпением ждали будущего, надеясь, что их дни пройдут как можно лучше.

В конце концов, Сюэ Цяо потеряла свое красивое лицо, а она сломала ногу, и ее жизнь висит на волоске. Хотя цена была высока, их жизни, наконец-то, изменились.

Юй Цзинь Нян скрупулезно зашил рану, завязал узел и сделал заключительную очистку. Его одноручный узел был очень красив, он специально практиковал его раньше, но в глазах Цзи Хуна это завязывание узлов было похоже на вращение цветка, гладкое и красивое.

Завязав последний узел, юноша обрезал нить, разложил Таохуасан вокруг раны и накрыл ее четырьмя или пятью слоями папиросной бумаги. Наконец, он зафиксировал травмированную

ногу деревянной доской, чтобы она не могла случайно двигаться. Завязав ткань, фиксирующую деревянную доску, он выпрямился и испустил долгий вздох облегчения. Только тогда он почувствовал боль во всем теле, а рука, держащая ножницы, так устала, что он не мог поднять ее. .

- Готово? - спросил Цзи Хун, - Могу я опустить руки?

Юй Цзинь Нянь кивнул:

- Хорошо, я ...

Прежде чем молодой человек смог закончить говорить, Цзи Хун внезапно сделал два шага вперед и обнял его. Тело молодого человека было уже мокрым от пота, и он яростно вцепился в его руку. На мгновение молодой человек казался окоченевшим, а затем Цзи Хун почувствовал тяжесть его обмякшего дрожащего тела.

Он похлопал Юй Цзинь Няня по спине и сказал:

- Цзинь Нянь, ты очень силен. Я никогда не видел такого доктора, как ты.

- Может быть, ты слишком мало видел, - усмехнулся Юй Цзинь Нянь. Он наконец расслабился, положил подбородок мужчине на плечо и на некоторое время просто прислонился к нему. Словно из вежливости, он не удержался, поднял руку и обхватил Цзи Хуна за спину.

Цзи Хун прошептал:

- Ты такой потрясающий, Цзи видел достаточно, чтобы понять это.

Юй Цзинь Нянь улыбнулся и сказал:

- Правда? Тогда тебе придется всю жизнь быть таким близоруким.

Как бы это ни звучало, слова «всю жизнь» без всякой причины казались наполненными чудесным смыслом, а из уст молодого человека эти два слова звучали даже еще красивее. Цзи Хун слегка повернул голову и нежно потерся кончиком носа об ушную раковину Юй Цзинь Няня. Его уши были мягкими и прохладными, так что даже хотелось лизнуть их и попробовать на вкус.

Он сказал:

- Цзи Хун был бы счастлив.

Юй Цзинь Нян почувствовал зуд в ушах и не смог удержаться от смеха.

После этой операции все были истощены. Хотя Цин Хуань сделали хирургическую обработку раны и наложил швы, результат все еще не был гарантирован. Сам Юй Цзинь Нян не был полностью уверен, что сможет добиться успеха. Он мог только молиться о милосердии Небес, чтобы эта беспокойная маленькая проститутка смогла выздороветь!

Поскольку за Цин Хуань нужно будет продолжать наблюдение, они освободили маленькую комнату Суй Суй, чтобы временно поселить там Цин Хуань. Юй Цзинь Нян использовал мягкую широкую ткань и сделал подвес в конце кровати, чтобы правильно натянуть и зафиксировать ногу Цин Хуань так, чтобы колени были слегка согнуты естественным образом, а лодыжки находились перпендикулярны икрам. Это полезно не только для заживления и предотвращения отека, но и для будущих реабилитационных упражнений

Суй Суй из-за двери наблюдала, как они заняты. Хотя раньше она боялась Цзи Хуна, она неожиданно совершенно не боялась Мэйдун. Ее также очень заинтересовала родинка на лице Мэйдун, она даже ткнула в нее рукой и спросила Юй Цзинь Няна, что это такое.

Юй Цзинь Нян сказал ей, что поскольку сестра Мэйдун случайно заблудилась, это была отметка, оставленная ее матерью, чтобы сестра Мэйдун могла положиться на эту метку и найти дорогу домой.

Суй Суй кивнула, как будто ничего не поняла, развернулась и забралась на кровать Второй Сестры, попросив мать быстро отметить ее, чтобы она никогда не забыла пойти домой, когда заиграется на улице.

Вторая Сестра не могла не улыбнуться, и ее болезненный вид немного уменьшился. Она также знала, что они только что совершили нечто неслыханное, и после всего случившегося она призвала их вернуться в дом и поспать.

Мэйдун была рядовой служанкой Павильона И Цуй, и в Павильоне много таких же горничных. Поскольку они дешевы и уродливы, к ним относились не так строго, как к проституткам. Иногда одна или две сбегали поиграть, и никто не обращал на это слишком много внимания. Мэйдун вызвалась остаться дежурить у постели, чтобы позаботиться о Цин Хуань, а Юй Цзинь Нян и Цзи Хун наконец смогли вернуться в свою комнату, чтобы отдохнуть.

После того, как они умылись, Юй Цзинь Нян протянул руку Цзи Хуну и сказал:

- Держись за меня, я собираюсь погасить свет.

Цзи Хун обнял его, и в следующую секунду у него потемнело в глазах. Прежде чем он успел занервничать, кровать рядом с ним слегка опустилась, и появилось очень теплое тело.

Лунный свет был ярким, и глаза быстро приспособились к темноте, в которой постепенно стали видны очертания. Цзи Хун повернул голову и проследил за фигурой юноши.

- Ты все еще боишься? - внезапно спросил Юй Цзинь Нянь.

Цзи Хун сказал:

- Когда ты рядом, лучше.

Юй Цзинь Нянь улыбнулся и сказал:

- Тогда для меня это большая честь!

От чрезмерного возбуждения событиями дня он не мог заснуть. Через некоторое время Юй Цзинь Нянь снова повернулся и лег на спину, глядя на изголовье кровати. Его правая рука все еще была крепко сжата Цзи Хуном, поэтому он слегка пошевелил пальцами и ущипнул Цзи Хуна, чтобы посмотреть, спит ли он.

Цзи Хун не спал, поэтому он спросил его:

- Что случилось?

Юй Цзинь Нянь шевелил ногами под одеялом, время от времени задевая верхнюю часть стопы Цзи Хуна. Ему было скучно. Ночь была долгой и одинокой. Он услышал, что Цзи Хун не спит, поэтому повернулся и посмотрел в его лицо. Протянув руку, он несколько раз потрогал лицо Цзи Хуна и спросил:

- Ты правда не спал?

Лицо Цзи Хуна было облапано чужими руками, но он сдержался:

- Я сплю неглубоко и легко просыпаюсь... Не можешь заснуть?

- Ну, немного, я еще не пришел в себя. Я не могу поверить в это, я действительно провел операцию, - Юй Цзинь Нянь прикоснулся к носу Цзи Хуна и его глазам, пытаясь вывести его из себя.

Цзи Хун удержал эти подвижные лапы и беспомощно сказал:

- Тогда поговори со мной, и через некоторое время ты заснешь.

У Юй Цзинь Няна было именно такое намерение, и он улыбнулся:

- Как ты думаешь, разве они не милые?

- А? - Цзи Хун нахмурился в тени, - Кто, Сюэ Цяо и Цин Хуань?

- Сюэ Цяо, Цин Хуань, Мэйду...

Цзи Хун спросил:

- Что ты скажешь?

Рука Юй Цзинь Няна была зажата под ладонью Цзи Хуна, но он все равно отказывался успокоиться, без конца двигаясь под ней. Рука Цзи Хуна была прохладной как нефрит. Он коснулся ее и, нащупав мозоль от кисти, принялся гладить это место.

Веселясь, он сказал:

- Просто потому, что они получили немного любви, они отдали все это обратно. Разве это не мило? Сюэ Цяо обращалась с Цин Хуань лишь немногим лучше, чем с другими, но Цин Хуань пожертвовала своей жизнью, чтобы помочь Сюэ Цяо сбежать. Цин Хуань, в свою очередь, дала Мэйду несколько булочек и дим самов, и Мэйду обила за нее пороги всех медицинских центров в округе Синьянь. И я, всего лишь давным-давно дал Сюэ Цяо два засахаренных фрукта, и она смогла доверять мне так сильно, что передала мне все богатство, которое она накопила за эти годы. Разве это не мило?

У Цзи Хуна чесались ладони и зудело сердце. Он сжал пять пальцев Юй Цзинь Няна, ущипнул и сказал:

- Не только эти трое готовы отдать все только потому, что о них немного позаботились.

Юй Цзинь Няна удивленно спросил:

- Есть еще кто-то, кого я не знаю?

- Ты узнаешь, - тихо улыбнулся Цзи Хун. Он поймал руку Юй Цзинь Няна на подушке, положил ее на место и сказал:

- Ну, а теперь не двигайся и закрой глаза..

Юй Цзинь Няна был недоволен:

- Но я действительно не могу заснуть.

Цзи Хун сказал:

- Закрой глаза, и я расскажу тебе что-нибудь.

- Да... хорошо, - Юй Цзинь Нянь лег, закрыл глаза, принял позу, чтобы честно заснуть, и величественно сказал, - Рассказывай!

Цзи Хун спросил:

- Что ты хочешь услышать?

Юй Цзинь Нянь взволнованно сказал:

- Знешь про демонов и призраков? Например, как дух черного паука сражается с духами-скорпионами, а Бодхисаттва Вэнь мудро создает шестируких мальчиков.

- ... - Цзи Хун нахмурился, - Цзи Хун не может рассказать об этом.

- А, - разочарованно протянул Юй Цзинь Нянь и снова сказал, - Ну, тогда расскажи о любви, сражениях, световом мече и теновом рыцаре!

Цзи Хун:

- Было бы труднее заснуть, услышав это.

Юй Цзинь Нянь цокнул языком и выбрал то, что не хотел слышать больше всего:

- Ладно, ладно, анекдоты о знаменитостях всегда хороши!

Цзи Хун наконец согласился. Сначала Юй Цзинь Нянь считал, что он должен сделать это из уважения к Цзи Хуну, несмотря ни на что. Во всяком случае, он должен был внимательно слушать, наострив уши, но он не ожидал, что Цзи Хун начнет говорить о «министре-основателе, отчаянно пытающемся умереть за страну». Это было так скучно, что хотелось вознестись на небеса.

Позже, когда речь зашла о том, что первый император ездил по всему миру в поисках отшельников, а премьер-министр упорно трудился на благо императорского двора, Юй Цзинь Нянь больше не мог сопротивляться, его глаза закрылись, и он погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/13608/1206840>